

— Пап, мне кажется, тебе нужна жена. Как тебе моя учительница?

Когда Бо Цин выпалил это, Бо Сун как раз возился с яичницей. От жары и усердия лоб его покрылся испариной, а в руках он держал лопатку. Услышав глупости от собственного непутевого сына, он, не раздумывая, отвесил ему щелбан:

— Иди-иди, что за бред ты несешь? Иди мой руки, ешь и марш в школу.

— Ох...

Бо Цин, семи лет от роду, учился во втором классе пятой группы начальной школы города. Каждое утро, позавтракав, он самостоятельно отправлялся на занятия, по пути успевая подразнить соседских котов и собак, а также попинать пустые банки. В итоге дорога, занимавшая десять минут, растягивалась на целых полчаса.

— Учитель! Учитель, я здесь! Доброе утро! — едва переступив порог школы, Бо Цин увидел своего любимого педагога — нового классного руководителя Юнь Цюцзэ.

— Доброе утро, Бо Цин! Ты сегодня так рано. Позавтракал?

Юнь Цюцзэ, двадцатипятилетний мужчина, чьи интересы в любви традиционно склонялись к представителям собственного пола, обладал приятной внешностью и ростом метр семьдесят восемь. Дети — известные ценители прекрасного, поэтому стоило ему стать классным руководителем, как он сразу завоевал любовь всего класса. А маленький Бо Цин и вовсе был готов висеть на нем двадцать четыре часа в сутки.

— Утром папа пожарил мне яичницу. Хотя она и подгорела, все равно было вкусно. А что ел учитель? — Бо Цин взял Юнь Цюцзэ за руку и, склонив голову набок, зашагал рядом в сторону класса.

— Учитель ел паровые булочки.

— Мой папа тоже умеет их готовить! И с мясом, и с овощами — невероятно вкусно! — Бо Цин принялся нахваливать отца, словно того не было лучше на всем белом свете.

— Правда? Какой он молодец.

— Папа еще много чего умеет готовить!

— Неудивительно, что ты такой пухляш. Наверное, объедаешься сладостями, а? — Юнь Цюцзэ сжал маленькую пухлую ладошку мальчика и неспешно повел его в класс.

— Совсем нет! Папа меня мучает, — Бо Цин надул губы. — Он совсем не дает мне конфет.

Бо Сун, отец Бо Цина, тридцати двух лет, ростом метр восемьдесят один, был мужчиной спортивного телосложения, гетеросексуалом и госслужащим с нормированным графиком с девяти до пяти. В свободное от работы время он подрабатывал «папой-наседкой», в одиночку воспитывающим сына. Характер у него был сложный, хотя внешне он казался зрелым и рассудительным.

Методы воспитания у Бо Суна были странными: с одной стороны — строгость, с другой — полная свобода. Ему было плевать, где сын бегают после уроков, спит ли на занятиях и смотрит ли телевизор до полуночи. Но вот к питанию он относился с фанатичной строгостью: никаких сладостей, никакого фастфуда, никаких покупных перекусов. Если еда была приготовлена не дома — она была под запретом.

На любое возражение следовал суровый нагоняй, после которого папа еще и ворчал, что ребенок зря тратит его нервы. Это лишний раз доказывало: мужчинам нельзя доверять воспитание детей, иногда они ведут себя безответственнее самих малышей.

А вот почему он так яростно запрещал покупную еду — оставалось тайной, которую знал только он сам.

Юнь Цюцзэ ткнул пальцем в пухлую щечку мальчика и, достав из кармана молочную конфету, сунул ее в кармашек Бо Цина:

— Держи. Раз папа тебя мучает, учитель не будет. Возьми, съешь, когда придешь домой!

— Ой! Спасибо, учитель!

Вернувшись домой, Бо Цин решил похвастаться конфетой перед отцом, но ее тут же безжалостно конфисковали. Мальчик долго смотрел на свою пустую ладонь, а потом разрыдался:

— Папа издевается! Это была награда от учителя! Уа-а-а!

Бо Сун отвесил ему подзатыльник:

— Чего ревешь? От сладкого зубы сгниют, понимаешь? Иди мой руки, ужинать пора.

— Уа-а-а! Папа врет! Учитель так не говорил!

— Учитель не говорил, а я говорю! Ты кого слушаешь — меня или учителя?

— Учителя! Ты плохой папа, я не буду тебя слушать!

Раздраженный плачем Бо Сун развернул конфету и отправил ее в рот:

— Все, нет больше конфеты! Можешь не плакать.

Бо Цин зарыдал еще громче:

— Папа — обжора! У-у-у!

— Еще раз пискнешь — получишь по попе!

Конфета, которую дал Юнь Цюцзэ, оказалась невероятно вкусной, с насыщенным молочным вкусом. Бо Сун даже задумался, не поискать ли такую же в магазине, чтобы припрятать для себя — этот малец в последнее время стал слишком уж догадливым.

Да, Бо Сун, который никогда не давал сыну конфет, сам был жутким сладкоежкой. Шоколад, нуга, арахисовые козинаки, леденцы, мягкие конфеты, мальтоза — он любил абсолютно всё.

Разумеется, об этом не знал никто, кроме него самого и Юнь Цюцзэ. Даже Бо Цин был не в курсе, а если бы узнал, в доме Бо началась бы настоящая катастрофа — мальчик точно устроил бы многочасовую истерику на полу.

Юнь Цюцзэ узнал об этом, потому что сам обожал сладкое. Естественно, он часто заходил в магазинчик под названием Конфетный домик. Там они и столкнулись.

В тот пасмурный субботний день у Юнь Цюцзэ был выходной, и он пришел пополнить запасы в своей коробочке со сладостями. Магазин как раз выставил на продажу новый шоколад с орехами, который, судя по отзывам, разлетался мгновенно.

— Простите, я возьму вот это.

— Пожалуйста, заверните мне это.

Два пальца одновременно указали на последнюю плитку. Встретившись взглядами, мужчины замерли.

Бо Сун, только что вышедший с работы, решил побаловать себя, так как давно не ел сладкого. Он даже не успел переодеться из рабочего костюма. Его тяга к сладкому была такой, что иногда он был готов жевать обычный сахар прямо из сахарницы.

Заметив, что хочет ту же плитку, что и другой покупатель, Бо Сун, хоть и с сожалением, улыбнулся:

— Прошу прощения, не заметил, что вы тоже на нее претендуете. Тогда я возьму молочный шоколад, заверните мне его, пожалуйста.

— Нет-нет, вы были первым, забирайте, — смутился Юнь Цюцзэ. Он видел, что этот человек пришел раньше.

— Все в порядке, забирайте. Я после работы часто здесь бываю, молочный шоколад я тоже люблю. Вы, должно быть, студент из университета неподалеку? — Бо Сун посчитал, что взрослому мужчине и так неловко покупать сладости, а если он еще и начнет отбирать их у студентов, то станет совсем смешно.

Юнь Цюцзэ улыбнулся:

— Тогда спасибо вам. Простите за неудобство. А... вообще-то я уже работаю.

Так состоялось их знакомство. Оба уничтожали конфеты с невероятной скоростью, постоянно сталкиваясь в магазине, здороваясь и советуя друг другу новинки. Со временем они сдружились. Если тех, кто вместе играет в игры, называют союзниками, то их можно было назвать сахарными друзьями.

Когда проходило родительское собрание во втором классе, Бо Сун был в командировке. Он не провожал и не встречал сына, поэтому даже не знал, что классным руководителем Бо Цина стал тот самый парень из магазина. Вот такой он был безответственный отец.

Он даже не подозревал, что Бо Цин всерьез вознамерился сделать Юнь Цюцзэ своей «мамой» и упорно шел к этой цели.

Что касается Юнь Цюцзэ, то он с первого дня знал, кто отец его ученика. Бо Цин был до того похож на Бо Суна — те же глаза, тот же нос, тот же рот, — что сомнений не оставалось. А редкая фамилия лишь подтверждала догадку.

Значит, женат. Юнь Цюцзэ почувствовал легкое разочарование, хотя это было вполне естественно — Бо Суну за тридцать, странно было бы не иметь сына.

Эх, почему хорошие мужчины в наше время либо женаты, либо геи? Неужели это потому, что он сам — хороший мужчина?

— Учитель, учитель, учитель! — на перемене Бо Цин, словно хвостик, следовал за Юнь Цюцзэ повсюду.

— В чем дело?

— Учитель, — Бо Цин покраснел от напряжения, — а вы... не могли бы стать моей мамой?

Юнь Цюцзэ опешил:

— Как я могу быть твоей мамой? Я же мужчина.

— Разве мужчины не могут быть мамами? — Бо Цин был очень разочарован.

Отец говорил ему, что его мама была очень красивой и доброй учительницей. Она всегда носила с собой много конфет, а ушла, потому что ей нужно было учить других детей. Но если он будет хорошо учиться, одна из его учительниц обязательно окажется его мамой, и, увидев, какой он послушный, она не захочет больше уходить.

Юнь Цюцзэ был красивым, добрым и мягким, а главное — у него всегда были конфеты: фруктовые, молочные, нуга, леденцы на палочке — на любой вкус. Неужели мама обязательно должна быть женщиной? Почему не мужчиной? Бо Цин был огорчен: неужели только из-за того, что Юнь Цюцзэ — мужчина, он не может стать его мамой?

Юнь Цюцзэ присел на корточки и погладил ребенка по непослушным кудрям, похожим на волосы куклы:

— Почему ты решил, что учитель должен быть твоей мамой? Твоей мамы нет дома?

— Я никогда не видел маму. Папа сказал, что она ушла на небо учить детей, поэтому не может быть со мной. Но он сказал, что когда я пойду в школу, кто-то из учителей может оказаться ею. И тогда она увидит, какой я милый, и не захочет меня оставлять, а просто пойдет со мной домой, — закончил Бо Цин и с надеждой спросил: — Учитель, правда-правда никак нельзя, чтобы вы были моей мамой?

<http://bllate.org/book/19777/1948631>